

отмечается, что слово *шад* не этноним, а титул главы кимаков⁴. Тем не менее участие кимакских племен в этногенезе прииртышских групп сибирских татар несомненно.

В составе татар с VIII в. известны и тогуз-татары, поддерживающие постоянные политические связи с огузскими племенами⁵. Следовательно, этноним *тогуз/токуз* сибирских татар может восходить как к тогуз-огузам (таково мнение автора — с. 73), так и к татарам, упоминаемым в древнетюркских надписях.

Использование этнонимов и топонимов в качестве источника для изучения этногенеза таит в себе опасность принять простое созвучие за действительную близость. Как отмечалось, несмотря на серьезность подхода Н. А. Томилова к указанному виду источников, все же его порой можно упрекнуть в недостаточной обоснованности некоторых сопоставлений. Так, вызывает сомнение сопоставление *торна*, *тырна* — названий объединений родственных групп барабинцев — с башкирскими *тырнаклы* (с. 137), ибо эти наименования происходят от слов разного значения: два первых — «журавль», третье — «когтистый» (*тырناق* — ноготь, коготь, *лы* — словообразующий аффикс), вернее (по аналогии с другими этнонимами с аффиксом обладания), «имеющий [тамгу] в виде когтя».

Вряд ли есть основания столь категорично связывать этноним *кулеба* барабинцев и топоним *Куляба* с таджиками *кулобӣ* (с. 163, 165). Думается, что выходцы из Куляба вне пределов Бухарского ханства стали бы называть себя, как и другие группы из Среднеазиатского междуречья, скорее бухарцами (*бухарӣ*, *бухарлык*). Этноним *курама* у барабинцев (с. 161) мог появиться вне связи с одноименной группой узбеков, ибо этим термином (букв. «лоскутный») у многих тюркских народов обозначались группы, сложившиеся из различных этнических компонентов. Среди топонимов обращают на себя внимание названия селений, содержащие слово *тамак* — «устье» (Уштамакские юрты, Ишим-тамак, Тар-тамак, Лаймы-тамак и др.). Автору следовало бы обратить на это внимание как на свидетельство наличия речного типа заселения.

Сделанные замечания не снижают ценности работы Н. А. Томилова. Это капитальное, интересное исследование. В целом отметим, что Н. А. Томилов проделал огромную работу по обобщению комплекса разнообразных источников — литературных, архивных, полевых, выявлению различных компонентов в составе тюркских групп, их дифференциации, установлению динамики их численности, изменений в расселении на протяжении XVI — первой четверти XIX в. В этом несомненная ценность книги, которая будет полезна не только сибироведам, но и широкому кругу историков и этнографов.

Б. Х. Кармышева, З. П. Соколова

⁴ Кумекон Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972, с. 113.

⁵ Там же, с. 41.

ДВЕ КНИГИ О НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

Народное искусство Российской Федерации из собрания Государственного музея этнографии народов СССР/Автор-сост. Молотова Л. Н. Л.: Художник РСФСР, 1981. 203 с.; Калмыкова Л. Э. Народная вышивка Тверской земли. Вторая половина XVIII — начало XX в. Л.: Художник РСФСР, 1981. 204 с.

Альбомы стали сейчас одним из основных видов публикаций по народному искусству. Их выпускают главным образом музеи, публикуя накопленные богатства по народному искусству. Принцип подбора материала разный: тематический, региональный, этнический.

В последнее пятилетие изданы альбомы: «Русское искусство XVII — начала XX в.» (Л., 1978) — по материалам коллекций Государственного Эрмитажа; М. А. Некрасова — «Современное народное искусство» (Л., 1980) — по материалам выставок 1977—1978 гг.; Л. Н. Молотова — «Народное искусство Российской Федерации из собрания Государственного музея этнографии народов СССР» (Л., 1981); Л. Э. Калмыкова — «Народная вышивка Тверской земли (вторая половина XVIII — начало XX в. Из собрания Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника» (Л., 1981) и др. Все они выпущены издательством «Художник РСФСР».

Остановимся на двух последних альбомах.

В альбоме А. Н. Молотовой представлены лучшие образцы прикладного искусства народов РСФСР из собрания ГМЭ. Иллюстрациям предпослан небольшой текст (35 с.), в котором очень кратко охарактеризованы народная культура и искусство русского и других народов северо-запада РСФСР, Поволжья и Приуралья, Сибири и Дальнего Востока, Северного Кавказа. Книга превосходно оформлена, листы с иллюстрациями не перегружены, и предметы даны на спокойном цветовом фоне. Здесь представлены великолепная вышивка, резьба по дереву, деревянная скульптура и игрушка, изделия из глины (посуда, игрушки), бересты, художественный металл, одежда из рыбьей кожи, украшения из бисера, кораллов и жемчуга. Все иллюстрации хорошо документированы, и альбом может быть рекомендован широкому кругу читателей. Хотелось бы сделать только два замечания. Думается, что раздел «Искусство народов северо-запада» лучше было бы назвать «Искусство народов Европейского Севера», поскольку коми все же

нельзя отнести к западным народам. На с. 6 вкралась, по-видимому, опечатка. Музей народов СССР в Москве был расформирован не в начале 1930-х годов, а в 1948 г., когда и были переданы его экспонаты в Ленинград в ГМЭ.

Альбом «Народное искусство Российской Федерации...» — первая публикация тех сокровищ, которые хранит Музей этнографии народов СССР, и хочется надеяться, что за ней последуют другие издания.

Л. Э. Калмыкова выбрала очень интересную тему — «Вышивка Тверской земли». Край, находившийся на стыке различных колонизационных потоков, представляет большой интерес разнообразием народного искусства, в частности вышивки. В книге-альбоме Л. Э. Калмыковой довольно обширный текст и 174 прекрасных образца тверской вышивки. Альбом как бы подводит итог многолетней, кропотливой работы Л. Э. Калмыковой, собравшей и систематизировавшей тверскую вышивку, и издание его, несомненно, должно быть оценено положительно. Здесь выражена точка зрения автора на семантику орнамента. Дается искусствоведческий анализ вышивки, материал расположен по географическому признаку — охвачены почти все уезды б. Тверской губернии. Л. Э. Калмыкова справедливо отмечает связь многих сюжетов вышивки с древними мифологическими образами славян, что надо считать доказанным (работы В. В. Стасова, В. А. Гордцова, Б. А. Рыбакова, А. К. Амброза и мн. др.). Однако в некоторых случаях Л. Э. Калмыкова сильно архаизирует вышивку. Так, на рис. 98 в поздней вышивке тамбуром с искаженным двуглавым орлом в центре, две женские фигуры по бокам его изображены на городской манер с тонкими талиями в широких юбках (причем в профиль, что нехарактерно для архаического типа вышивки), но по традиции «дамы» держат в руках ветки. Вряд ли есть основания отождествлять этих женщин с кикиморами — мелкими злобными существами, по воззрению крестьян особенно опасными для кур. В вышивке, по нашему мнению, в основном изображались благожелательные существа. Навыки вышивания передавались от матери к дочери в течение столетий и вместе с тем непрерывно изменялись. Многое зависело от вкуса вышивальщицы. Два дерева, изображенных с корнями, автор считает многоголовым драконом (рис. 188). Народный термин «оборотень» автор употребляет для обозначения обернувшихся назад животных (рис. 84) и связывает их с волками-оборотнями. Надо заметить, что эта композиция имеется еще в церковном шитье середины XVI в., хранящемся в Загорском музее.

Жаль, что карельские и русские вышивки, имеющие не только много общего, но и свою специфику, не отделены одна от другой.

Кроме вступительной вводной статьи, характеризующей тверскую вышивку в целом, каждому разделу предпосылаются специальные заметки. В работе приведены ценные сведения о назначении вышивки и связях ее с традиционными обычаями (с. 174—176), помещен указатель разных видов швов. Резюме и подписи к иллюстрациям даны на русском и на английском языках.

Нельзя не упомянуть и об издании каталога «Тверская вышивка в Загорском музее» (М., 1982. 247 с., 112 илл.), составленном тем же автором — Л. Э. Калмыковой. Каталог является как бы дополнением к альбому. Аннотации к вышивкам в нем более полные, чем в альбоме. В основу каталога положена тематическая классификация: автор попытался выделить группы орнамента по сюжету, что представляет значительные трудности. Каталог изящно оформлен, вышивки (черно-белые и цветные) даны очень четко.

Работа Л. Э. Калмыковой имеет большую познавательную ценность и в дальнейшем может быть использована при составлении историко-этнографического атласа, посвященного русской народной вышивке.

Г. С. Маслова

Былины. Русский музыкальный эпос/Сост. Добровольский Б. М., Коргузалов В. В./Ред. Лебединский Л. Н. М.: Сов. композитор, 1981. 615 с. с нот., факс. (Собрание русских народных песен. Издание основано Д. Д. Шостаковичем)

В 1960-х годах музыковед Л. Н. Лебединский, в то время возглавлявший Фольклорную комиссию Союза советских композиторов РСФСР, выдвинул идею создания свода памятников русского народного музыкального творчества. Мысль эта встретила благоприятный отклик не только у специалистов по музыкальному фольклору, но и в широких кругах композиторов и музыковедов, в частности у Д. Д. Шостаковича, ставшего главным редактором свода.

Свод мыслился как ряд антологий, не связанных последовательностью публикации и даже единством взглядов по некоторым до сих пор спорным проблемам музыкальной фольклористики. Рассматривать его как нечто внутреннее целое позволяет проходящая через все издание мысль о том, что народное музыкальное творчество — это неразрывное, органическое слияние ряда неоднородных начал народного искусства — обрядового, поэтического, игрового, хореографического (а в некоторых случаях зрелищного) с музыкальным. В каких бы комбинациях ни сочетались в разных жанрах народного музыкального творчества эти начала, в итоге они создают однородные, слитные произведения, изучение которых в отрыве одного от другого нарушает целостное представление и о жанре, и об отдельном произведении. Так, былины Русского Севера в том виде, в каком они сложились ко времени, когда исследователи впервые приступили к их научному